

П. С. ПОТЕМКИН

<Предисловие к «Рассуждению о происхождении неравенства» Ж.-Ж. Руссо>

ОТ ПЕРЕВОДИВШЕГО

Сообщая свету перевод рассуждений г. Руссо о неравенстве между людьми, которого важность по содержанию своему требовала давно уже быть ему на Российском языке, исполняю я обещание, učinенное мною при первом моем переводе.

Между тем, находя за удобное здесь изъяснить с своей стороны некоторые мнения, осмелился я их предложить на рассуждение не целого общества, которого предрассудки бывают иногда в предосуждение справедливости: но людей просвещенных и правосудящих.

Я не буду простираюсь в том, чтоб описывать подробно, как сотворен сей свет и человек извлек себя из ничтожества, в каковом его полагают, какими способами приобрел он все те науки и художества, в которых ныне свет процветает или чрез которые человек вознес себя, так сказать, сверх возможного воображения; для того, что сие было бы только или следовать, или противоречить мнениям г. Руссо. Но как я человека в сущем ничтожестве никогда не полагаю, и человеческий род по видимым способностям своим доказывает нам, как много оный предпочтен пред прочими тварями, то не легко всякому подтверждать оное с явными доказательствами. Сия система, вообще сказать, весьма трудна, и доказать оную гораздо неудобно. Самое толь прославленное рассуждение сего сочини-

теля не каждого утвердит на его мнении основаться или оному верить. Люди всегда были горды и самолюбивы, ныне же по распространению знаний стали надменны и суемудренны, следовательно, каждый хочет решить дела по собственным видам и мысленно себе сам дает пред всеми преимущество: и так мое мнение не в том состоит, чтоб, испытывая, как сотворен сей свет, говорить в противность или соглашаться с сим рассуждением, но кратко предложить, от чего свет стал толико развратен, и упомянуть, всегда ли он таков был от самого начала или особливые причины его к такому состоянию довели?

Все философы, испытывающие о человеке, начинали говорить о нем с самого первобытного его состояния и выводили оное хотя разными, однако, между прочим, и много сходными между собою мнениями; но никто из них не показал того: ради чего не допускают они иметь человеку с самого первого начала тех способностей, которые его пред прочими тварями столь много отличают; ибо когда родился он равно немыслен, как и все животные, то по какому чудному побуждению мог он, примечая только их действия и подражая оным, присвоить себе сам в преимущество и всякое понятие, а притом, какой бы мог быть предмет природы, сотворив человека иначе, нежели как мы его видим нашими глазами, допустить собственному его труду дойти до того совершенства, в каком он ныне находится; и почему бы надлежало ему быть немысленну, когда уже он определен иметь и те малые способности, каковые испытатели природы ему предоставляют и в самом том низком состоянии, в каком они его полагают, то есть: скитающегося без пристанища, без всякого намерения и без понятия о существе своем: но только с некоторым внутренним чувством существа самоизвольно действующего. Такое-то рассуждение долженствовало бы произойти от пера сочинителя книги сей и ему подобных писателей.

Как нужно есть, чтоб хотя один кто из таких великих людей показал с доводами ясными прямое положение мира и означил те причины, которые заставляют их полагать человека так, как и прочих животных, несмысленным; ибо когда возришь на лепоту пречудно сотворенных стихий, когда возришь на светила нас освещающие, на сию бездну звезд, украшающих небеса, когда представишь все обращающиеся в глазах наших перемены земного шара и вспомянешь, сколько человеческий разум способен постигать все премудрости и тайны, сколько он восхищается даже до высот небесных, что он единый есть,

который достоин рассматривать и рассуждать о сем чудном и прекраснейшем сотворении, тогда представишь, что все Философы полагают человека гораздо в отличном состоянии, нежели как, по-видимому, его Вышний предел сотворил.

Желал бы я изъяснить, коликое, по мнению моему, имеет преимущество человек пред всеми прочими тварями с самого его первобытного начала как по отличности существа его, так и по обстоятельствам, каковые суть все его способности, его выгодное составление и внутренние чувства, которые оказывают его превосходство пред всеми животными, населяющими поверхность земного шара, но то было бы весьма обширно; да и не для сего предпринял я здесь предложить мои мнения. Содержание оных состоять будет в том только, чтоб кратко представить обществу, что как я полагаю человека от самого его начала озаряема светом разума с толиком же преимуществом, каковым и ныне люди обладают, то для того упомянуть долженствую о следствиях рода человеческого, который преисполнен толь многими развратностями; а потому описать вообще те причины, кои произвели столько вражды, столько ненависти и столько злодеяния, которыми вседневно, к стыду нашему, мы видим человеческий род пожираемый.

Не без труда, однако, было бы означить подробно причины такого беспорядка: ибо цепь, связующая нуждами всех взаимно, препутана неисчетным числом разных путей к причинению вреда, так что чем более начнешь во оное входить, тем более подлинный того источник скрывается от нашего разумения в недрах непроницаемой мрачности. Между тем надежно можно сказать, что не без заблуждения остаются мыслящие, якобы свет был когда-нибудь лучшим, нежели в каком состоянии мы его ныне зрим. Люди были всегда таковы как есть, с самых тех пор, как общества произведенные установили некоторый порядок нравственный, и отличность в людях установлена стала; и как всякой век имела свои правила, свои учреждения и свои обстоятельства; то следовательно, имел уже он и происходящие из того пороки: с приращением новых изобретений происходили новые заблуждения, а чем более способности человеческого ума приходили к совершенству, тем паче люди склоняли разум на вред и сердца их наполнялись от тонкостей страстями, восстала особливо зависть и, усиливаясь беспрестанно, свойство души добродетельное затушала¹.

Рассматривая первые племена человеческого рода, мнится мне, что люди разве только в самых первых веках должныствовали быть в том чистом и беспримесном состоянии, в каком они вышли из рук природы, и до тех лишь пор, как число их было так мало, что не доходило им нужды иметь между собою установленное сообщение. Человек, будучи разве в том лишь едином состоянии, не помышлял о тех страстях, которые во общежитии сердцами обладают: но едва только распространение рода его учинилось столь многочисленно, что потребовало некоторого общественного установления, в тот самый час и основалось все то, что могло произвести пороки, которые потом и всякой век уже больше или меньше чувствовал². Нужды, обязывающие взаимно большую часть общежителей, производили новые пути к хитростям, которые один против другого употребить изыскивал средства; от них-то началось распространение мыслей к дальнейшим предметам, и человек вместо покойной жизни, коею он столь кратковременно пользовался, стал всегда в попечении, беспокойствии, в произыскании способов, дабы отличить себя от прочих или по крайней мере учинить жизнь свою безнуждною: и таким образом страсти вкрались нечувствительно в сердца человеческие и проросли корень свой столь твердо, что уже наконец ввели в правило то, чтоб славиться соделанием вреда себе подобному. Свойство беспорочное души преобразилось в свойство злое, и тот самый разум, который, уступая чувственности, во всяком случае соединялся с жалостью и влек на помощь ближнему, стал обращен единственно на вымышление коварства и вреда, и счастье одного не могло уже без того совершиться, чтоб не соделать другому несчастья.

Легко видеть можно, что общества установленные, в таком состоянии быв, почувствовали общий вред и гибель каждого особенно и почли за необходимо нужное учинить некоторый договор; то есть положить условные законы. Но время оказалось, что сия предосторожность не весьма помогла. Страсти уже обладали сердцами сильнее, нежели сколько законы в состоянии были их удержать. А человек, сделавшись завистлив и любостыжателен, скоро стал зол и неукротим. Сия нужда заставила избрать обществу единого начальника, которому власть всенародно препоручена стала, сильнее желая чрез сие иметь способы ко отличению себя в предпочтении, склонились отдать жребии свои в руки властителя, а притесняемые, желая воспользоваться правом для защищения себя, предались охотно во власть избранного ими начальни-

ка*. Сим образом коварство и притеснение купно постановили престол, которые день ото дня утверждались преданностью и глубоким повиновением всякого неисключительно, и степень неравенства общежительного основана стала³. Казалась тогда, что всякой вред пресечен, что злоба не только затушена, но и совсем истребилась и восстановилось благоденствие: но род смертных сужден к иной доле; ибо мысль человеческая, повреждена уже будучи, клонилась всегда возвеличить себя сверх состояния своего, и сия-то неистовая склонность произвела все то зло, которому человек стал подвержен.

Когда стали основаны законы властью единого, то установились также степени служителей и преимущества в предпочтении, которые человека влекли изыскивать средства к достижению оных, тут возымели свою силу человеческие хитрости, обманы и все те тонкости, которые разум человеческий произвести был в состоянии. За ними необходимо следовали открытия всех знаний, коих способности его были достойны, и которых достигнув, человек сделался горд и высокомерен⁴. Отличность в предпочтении единожды почувствуемая, побуждала его почитать себя не только выше подобных ему, но и почитать сверх естественного сотворения. И так он обратил те способности свои на вымышление зла, которые должныствовали бы оное отвращать, и никакое уже рассуждение не в состоянии было удерживать стремление, каковое зависть или гордость в нем производила. Перемены обстоятельств зарождали в нем некоторую-нибудь из сих двух страстей и переменили расположение мыслей его. Малейшее неудовольствие в его состоянии, уменьшив гордость, делало его робким, низким и совсем трусливым. Таким образом каждый человек располагался по предрассудкам, отдаляясь от истинного мнения и справедливости, а беспорочность души сколько уже ни защищала его от нападения страстей, но самолюбие, вкоренившись в его сердце, побеждало всякое истинное рассуждение и принуждало уничтожать добродетель за самую малую цену

* Ежели бы я намерен был распространить содержание моих мнений, то бы я вместил здесь, что невозможно почитать за истину то, чтобы народы с самого начала установили какое-нибудь другое правление кроме начальственного, по крайней мере те, которых они избрали себе сперва посредниками в своих делах, присвоили сами себе сию власть совершенно. Прочие же правления сделались наконец чрез возмущения, какие-нибудь по обстоятельствам случившиеся.

прибытка или за малейшую степень почести. Одним словом, разум уступал место и дал власть над собою страстям для того, чтоб мог располагать всегда всем по своим затеям, не поставляя намерениям истинного предела.

Сие есть источником, что первые властители скорее вымыслили положить тяжкое наказание за преступление или за какой-либо вред, дабы, строгостью пресекая зло, укрепить и повиновение, а в то же время и лишить подвластных своих той вольности, с какою прежде могли они защищать свои дела, но не положили никакого поощрения в законах за добродетели, оставив сие преимущество в награждении собственной своей воле для того, чтоб привлечь тем наивысшую к себе преданность и купно с оною глубочайшее почтение, понеже народ стал точно уже зависим от его изволения и степени от его избрания.

Я мню, что если бы при узаконении всех оных тяжких казней, которые положены за причинения какого-либо вреда, законодавцы беспристрастно хотели помыслить, что всякое добро столько же свойственно человеку и еще паче, нежели зло. Но как оное без одобрения прекращается, а человек от строгости законов впадает в уныние, и тем больше дерзают на преступления, то, чтобы предупредить сугубое зло, установили воздаяния как добродетели, так наказание за преступления, такой способ предохранил бы род человеческий от толь несметных бедств, которые оный претерпел, и тех напрасных истязаний и смертей, которыми он пожираем чрез непосредственные строгости*: но предрассуждения, почувствованные единожды во установителях законов в пользу собственно их,

* Да не вообразят мои читатели, чтоб я хотел порицать установление законов, весьма далеко от того мое мнение, я знаю, что общества без законов не могут быть, равно как тело без жизненного духа или рассеянное стадо без пастыря, и что строгость законов есть то единое средство, которое соображает всех виды, отвращает от заблуждений и удерживает распространения зла. Однако не одна только строгость может воспящать оные, но непременно сохранение положенных законов; ибо отнюдь нельзя того помыслить, чтоб дерзающий на какое-либо преступление, воображая точно должное себе наказание, осмеливался приступить к соделанию вредных своих предприятий, еще менее лъзя подумать, чтоб злой преступник, не надеясь избежать казни и всех тяжких мук, отваживался на беззакония. Все сие происходит от несоблюдения законов по каким-либо пристрастиям или упущения положенных прав по некоторым видам, и сей-то есть первый тот источник, который привлекает человека на несчастье, и та главная причина, которая

основали с такой стороны предохранение от непорядков и, как будто сим удерживая от зла, чрез то оное распространили; великое есть средство поощрять людей к добродетели примером самой добродетели; тогда-то она возымеет подлинно свою цену и утвердится так, что пороки могут быть отринуты. Нам нравоучение только слышать приятно, однако не производить в нас удивления: исчислив некоторые добрые дела, надлежало бы хотя малое положить к тому поощрения; а по мере большего попечения открывались бы лучшие средства. Всякое добро свойственно сердцу человеческому, но склонность, нас влекущая на благо, истребляется от предубеждений. Они-то тщатся затмить божественный свет, озаряющий души наши. Они-то вливают яд всякого вреда в сердца наши, и от них-то происходят все те льстивые учтивства, все эти ложные доброжелательства, которые мы оказываем друг другу взаимно, тогда как в самом деле о том только печемся, чтоб найти пользу свою со всем злом ближнего своего, причем разве одно только некоторое оставшееся в нас чувство совести нас трогает и производит иногда то признание, которое мы внутренно имеем в своих вредных делах, ибо сие врожденное в человеке чувство как ни затмевается от предрассудков, но вовсе истреблено быть никогда не может, и для того-то мы, и утопая во всех пороках, добродетель любим и прославляем.

Можно ли приписать вред сей и все страсти особливо нашему веку? Нет, без сомнения: предрассудки основались

убеждает вредное сердце отважиться на всякой вред и на всякое преступление, понеже польза, которой он надеется от исполнения того, ласкает его тем, что изыщет он средства избежать должного взыскания; а всегдашний пример, в лицепрятии или иногда в корыстолюбии, легко обнаддеживают во исполнении вреда, и так, избавляя единого, прельщают тысячи и губят, так сказать, целое общество. Коль часто видели то в древние времена, что строгость падала по лицепрятию на невинность и осуждала правого на смерть, которой злодей был свидетелем и торжествовал, видел невинного соперника на жертву влекомого, где нет лицепрятия и корысти в суде, там нет нужды в крайней строгости, где нет надежды избежать положенного права, там все страшит и ужасает, и когда сильный, знатный, богатый равно подвержен непремемному исполнению прав, там удерживается без сумнения поползновения, но главный вред к предосуждению разума человеческого есть то, что часто строгость падает на бедного, между тем как сильный или богатый без наималейшего опасения распространяет вред дел своих и успеваает в них.

при самом еще начале общежития; а распространение обществ умножило оные для того, что человек стал, так сказать, раб всякой страсти. Все веки чувствовали недостаток крепости к побеждению оных, все превозносили добродетель, но говорили о ней как о какой химере, не печась нимало искать средств, дабы достигать оные. Сколько было учителей, которые гласили о добродетели! Сколько писателей, которые, славу ее изображая, тем только и хотели свет удивить! Но много ли было таких, которые бы пример собственными делами показали, чтоб могли прочие им последовать, о том всякой знает, кто читал Истории древних веков. Нам времена древние кажутся благополучнейшими настоящих не для чего иного, как что неудобства тех времен нам нечувствительны, а изрядные дела воображением в нас поражают чувства и тем производят удивление.

И так не можно того сказать, чтоб свет когда-нибудь был лучшим, нежели как ныне находится; ибо способ жизни человеческой всегда разнообразен и обстоятельства его всегда были участны в пороках, которыми чрез распространение обществ человечество более стало опутано; однако всегда то было чувствуемо, что страсти имели более владычества над сердцами, нежели рассуждение; а добродетель блистала только сквозь оные, как солнечные лучи проникают сквозь завесу, для того что свойство природы человеческой само по себе есть добродетельно⁵.

Я умолчу о нравовании, потому что сколько оно ни полезно и сколько ни нужно ко удержанию людей от зла; однако же оно слабо вкореняется в наши рассуждения, дабы мы чрез наставления только одного побеждали все пристрастия. Самое лучшее средство удерживать пороки зависит от власти Государя; а пример его собственных дел добродетельных есть совершенный путь к добродетели, понеже та сила, которую он имеет над народом своим, есть душа управляющая и мысли и сердца оного к добру или злости. Не по единому принуждению, но самым исполнением действий благих, и как каждый человек вникает в то, что угодно воле Монарха, то без сомнения все подражать ему стараются, и ежели предмет всякого действия обращается на добро, то совершение оных вообще будет полезно, хотя от воли или только от подражания оно исполнено было.

Здесь должно мне упомянуть о состоянии нынешних времен Российского государства, дабы представить пример того, сколько от изволения Государя зависит много исправлять сердца, дая образ народу своему собственными делами; ибо как

бы законы от зла не отвращали, но хитрость коварных душ находит средства делать зло и избегать от истязания оных, и тем лишь паче преступление усиливается. А когда примеру в добродетели следуют Монарха, тогда все единомысленно о том только и пекутся. Мы ясно видим ныне чрез премудрое правление нашей Великой Монархини, славу нашего века сооружающей, коли может процветать добродетель, когда она имеет отверстый путь, и еще паче, когда предводительствующая народом Особа Сама собою в том примере показывает.

Народы! воззрите на процветающую толикой славою Россию, спросите благополучных чад ее, видят ли они предел своего благосостояния? Спросите у сего подданного народа, чувствуют ли они хотя мало иго рабства? Спросите, милостию она или строгостию низвергает пороки и вводит благочестие и добродетель? А чрез то познайте, что гордость и пристрастия самих властей были иногда причиною и основанием повреждения. Ибо зависть производила мысль вредную и возбуждала всякое желание ко исполнению зла: и как ничто не противоборствовало отвратительным намерениям, кроме опасности законов, которых избегать были средства, то сие принуждало находить способы, как таить яд зла, но не истребляли оно из сердец, а между тем род человеческий, делая нечестие, погибал в бедствиях и производил только сострадание в душах чистых и здравых рассуждениях.

Наша Премудрая Монархиня, являющая в лице Своем собор всех оных божественных даров, которые должны озарять душу Царя, народами управляющую, узрев источник всех вредностей, тщится исправить сердца народа своего не столько строгостью, как непременно исполнением законов, а возбуждает добродетель щедротою, милостью и благодеяниями.

Я не преступил противу истины, представив сей пример к моему содержанию. Я старался кратко описать, что свет всегда был порочен и с самых тех пор, как общежития основались, что с распространением рода произрастали пороки, а чрез законы излишно строгие еще оные усиливались. Сие свидетельствует ныне каждому, сколько кротость Монаршеская и доброта его нрава воспящает пороки и сколько добродетель оными восстанавливается. Да совершит вышняя Десница благословенное начало нашей Государыни, да обратит народные сердца следовать сим путем к благодетельству и обяжет всех взаимно искренним чистосердечием, дабы увидел свет, что благой пример Монаршеских дел есть источник добра, душа добродетели и просвещение мыслей и сердец.

Оставляя все прочие подробности, которых описание и, кроме того, что распространилось бы весьма обширно, не принадлежит к моему содержанию, но притом и требовало бы много времени. Оканчиваю я сим мое изъяснение, дабы как можно не примешать мне посторонних причин, которые нравы и сердца повреждают, остается читателю справедливому судить, истинно ли я описывал мое мнение или заблуждался. Впрочем, ежели труд мой достоин будет благоволения той особы, которой я оный посвятил, и одобрения знающих людей, то сие поострит меня к дальнейшему прилежанию.

